

"...Текст, «правильный» с точки языковой нормы, совсем не обязательно правилен внутри поэтической речи..."

Данила ДАВЫДОВ

**Об искренности, качестве, литературной учебе,
своем и чужом слове, слове живом и мертвом
и т. д.**

Часть первая.

Передо мной — книга, «Знакомство. Первая книга стихов» (М.: «Молодая гвардия», 1963), взятая, признаться, довольно произвольным способом. Шесть авторов, предваренных тогдашними совписовскими мэтрами. «Мне кажется, Борис Голубев давно

Автор: Субъектив
24.04.2019 20:01

уже мог выпустить свою первую книгу. Но как-то не выходило — то война, бои в Манчжурии, и ему, сержанту, порой бывало не до стихов. Потом, после демобилизации, новые заботы, дела. Уже в зрелом возрасте он окончил Литературный институт и сейчас впервые выступает с подборкой своих стихотворений», - пишет Василий Кулемин (который, как выясняется, умер довольно молодым, якобы затравленный за статьи в защиту сносимых памятников — при Хрущеве это и впрямь было небезопасно). Посчитайте: автору выходит в лучшем случае под сорок. Военный опыт присутствует и у другого автора сборника, Романа Левина. Другие, видимо, всё-таки моложе. И представляют их люди более сановитые: Соколов, Долматовский, Жаров, Боков, Тушнова.

Если мне пришлось лезть за справкой, кто таков представляющий мэтр, то собственно из поэтов как-то промелькнула фамилия Ларисы Румарчук (это знание, впрочем, тоже эзотерично). Вспоминается фрагмент из мемуарных заметок о Михаила Ардова о писателе Павле Нилине. «Павел Филиппович замечательно отзывался о газете “Литература и жизнь”, в которой обыкновенно печатались советские авторы второго и третьего разряда. Он говорил: “Мне очень трудно читать эту газету. Там пишут так: “А я учился поэтическому мастерству у Сидорова и буду учиться!” А кто такой этот Сидоров и кто это пишет — мне совершенно неизвестно...”».

Поэзия, среди многочисленных определений, может описываться и с помощью формул, по которым вычисляется величина энтропии художественного текста: «А. Н. Колмогоров пришел к выводу, что энтропия языка (H) складывается из двух величин: определенной смысловой емкости (h_1) — способности языка в тексте определенной длины передать некоторую смысловую информацию, и гибкости языка (h_2) — возможности одно и то же содержание передать некоторыми равноценными способами. При этом именно h_2 является источником поэтической информации» (Ю. М. Лотман; интересующихся отсылаю к его книге «Структура художественного текста», либо непосредственно к работам А.Н. Колмогорова и В.В. Налимова).

Чтобы не углубляться в подобную непростую область, отмечу, что формула академика Колмогорова по сути дела передает средствами точной науки то, о чем задолго до ее выведения говорили скорее метафорически. Все помнят строчки Николая Гумилева из во многом программного стихотворения «Слово»: «Мы ему поставили пределом / Скучные пределы естества. / И, как пчелы в улье опустелом, / Дурно пахнут мёртвые слова», - и это не снобизм эстета, но реальное физическое ощущение (подобное тому, которое наверняка испытывали многие: в твоём присутствии произносят вопиющую глупость или пошлость, и тебе стыдно так, будто бы это сказал ты сам).

Лидия Гинзбург писала по этому поводу «Существуют стихи не то, что ниже, а вообще не стихового уровня. И в краю безграничной раскупаемости книг — тучные их тиражи лежат нераскупленные на прилавках. Слова в них — и бытовые, и книжные — никак не трансформированы. Просто словарные слова, с которыми решительно ничего не случилось оттого, что они (по Тынянову) попали в единый и тесный ряд. Нет, всё же случилось — механическая ритмизация не позволяет им с достоинством выполнять свое нормальное коммуникативное назначение».

«Нетрансформированное», «непреображенное» слово, изъятое из нормального коммуникативного контекста и помещенное в контекст художественный, оказывается своего рода раковой опухолью. Оно не только занимает место слова преобразованного, но и вытесняет его со всех возможных позиций, заменяя своими собратями-клонами. Это происходит потому, что и преобразованное, и непреобразованное слова системны, только системы эти взаимоисключающи. Либо одна, либо — другая. И речь идет не о шероховатости, неправильности и т. д. - как раз подобные явления могут быть весьма живыми и оказываются либо образцами наивной поэзии, либо поэтического примитивизма (но об этом в другой раз). Речь идет о той установке, которая просто не предназначена осуществлять поэтическую функцию языка (по Роману Якобсону). Так называемые «средства художественной выразительности», тропы и фигуры, создаваемые благодаря им образы, или же авторская специфика лексики и словоупотребления здесь вторичны; текст может быть абсолютно прозрачен, но, тем не менее, выступать в поэтической функции — благодаря связи всех элементов текста друг с другом при помощи специфического именно для художественной речи соположения всех элементов.

Текст, «правильный» с точки языковой нормы, совсем не обязательно правилен внутри поэтической речи. Лингвистическая аксиома (сформулированная еще Фердинандом де Соссюром) гласит, что в языке важны не его элементы, а взаимодействие этих элементов. Характер связей внутри поэтического текста еще более сложен, поскольку не сводим к какому бы то ни было правилу (хотя каждая эпоха навязывает свои нормы, свою «моду», свой «хороший тон», и в немалой степени ценность поэтического высказывания здесь проступает благодаря тончайшей балансировке автора между инерцией общих правил и собственными, вступающими с этими правилами в противоречие установками).

Напряжение всех элементов внутри текста образует то многовекторное движение, которое происходит с поэтическим смыслом, заведомо более богатым, нежели это можно перевести на язык нехудожественный без существенных потерь.

Поэзия предстает своего рода «метаязыком» по отношению к естественному, обиходному языку. И да, она способна выражать и первичные, бытовые смыслы — как любое крепко подогнанное формульное высказывание, подчас также использующее принципы и свойства поэтического смысла. Но, в любом случае, забивание микроскопом гвоздей никогда не окупалось. «Стихи про любовь», «про родину», «про природу» имеют право жить в своем пространстве, не принадлежащем к собственно художественной словесности, на выселках, в поле автоматического текстопорождения. Тексты, подобные такому: «Желаю жить и быть любимой, / Не горевать, не унывать / И по дороге жизни длинной / С улыбкой весело шагать. // Пусть в этот день букетов море / Преподнесут тебе друзья, / Печаль не тронет глаз красивых / И будет легкой жизнь твоя! // Сияй же ты как лучик солнца, / Будь нежной, ласковой всегда. / И пусть наградой будет счастье / На все грядущие года!!!» - не представляют для поэзии опасности. Напротив, они будут интересны специалистам по постфолькору, антропологам, социологам. Они, странное дело — в наиболее разительных образцах — могут дать импульс собственно поэтическому высказыванию (вспомним, к примеру, стихи Николая Олейникова).

Совсем другое дело — системность нетрансформированного слова, которая создает свой параллельный мир, а при удачных обстоятельствах и заменяет (подменяет, точнее) его — не на самом деле, но в глазах большинства.

Самой радикальной подменой такого рода была такая уникальная культура, как советская литература, в т. ч. советская поэзия. Сложная история ее формирования, существования и распада (точнее, полураспада, судя по сегодняшнему дню) имела точку бифуркации — массовый призыв «идейно и классово правильной» молодежи в литературу для замены как спецов-попутчиков (кроме тех, кто окончательно не перестроился), так и первого поколения комсомольских поэтов, чьи идеалы были слишком утопическими. Индустрия производства советских поэтов и прочих «литработников» (превосходно описанная, кстати, в настоятельно мною рекомендуемой книге Евгения Добренко «Формовка советского писателя») была успешной во многом благодаря пресловутой «литературной учебе». Обо всем этом, впрочем, мы поговорим во второй части наших заметок.

Среди шести авторов сборника «Знакомство» - ветеран, военный подросток, сибиряк, донской уроженец, две девушки, привычным советским сексизмом лишённые в представлении мэтров какой-либо иной идентичности, кроме гендерной. Авторы, прошедшие уже отработанный маршрут формовки молодого стихотворца. «Едва ль ни девочка, / Подросток, / В цветастом платье до колен, / Она на мир глядела просто: / Все принимая, / Веря всем, / Легко смеясь, / Судя о людях / По материнской доброте. / И не заботилась - / Кем будут / Ей в жизни дальней / Люди те», пишет один (Михаил Кузькин), «Смеется солнце цветастое / Из самого яркого ситца. / И снится девчонкам разное. / Но,

Автор: Субъектив
24.04.2019 20:01

видно, хорошее снится», отвечает другая (Галина Чистякова). «Я бреду по сырому жнивью. / Край донской! Пробуждению внемля, / Всей душой принимаю твою / Духовитую, волглую землю», настаивает третий (Александр Максаев).

Хорошим, крепким профессионалом был советский редактор. Лажи как таковой нет. «Просто словарные слова».

Наш конкурс преподносит более широкий диапазон возможностей. Попадаются, впрочем, образцы, вполне соответствующие советской формовке: «*Поправила чёрный локон, / Приветливо улынулась, / О волны веслом, наотмашь, – / С кипучей рекой схлестнулась. // Алтай для тебя не роскошь. / Он нам лишь во снах наснится. / А лодку течением сносит, / В бесстрашье спортсмен рядится. // "На вёслах" устали плечи, / Стихия не с лаской – спросом, / Посмела реке перечить, / Воды нахлебалась носом*» (Наталья Мартинец), - словарности здесь, пожалуй, перечит только глагол «насниться» (диалектизм?).

Или — но уже с некоторым метафизическим налетом, не представимым в стихах начинающего советского легального автора (мэтрам иногда было можно): «*А в чём итог? Ответа не найти! / Не спрятаться от пристального взгляда! / Но снова ищем лёгкие пути / На перекрёстке совести и ада! // «Быть, или не быть?» - вот риторический вопрос, / За нас решённый с пафосным успехом! / Ответить надобно без фальши и без поз: / «Кем быть – рабом иль Человеком?»*» (подборка 237).

Но есть и жанрово-стилистические вариации. Псевдорусский стиль обрел тотальность в почвенной печати несколько позже 1963-го года, но не будем мелочиться: «*На щите большом возлежал юнец, / Возлежал боец войска дальнего. / Не успел пожить - не беда его. / Над челом бойца золотой венец. // Как несли его ночью тёмною / До родной земли - лёгкой, праведной. / Сложно плыть судьбе вехой правильной. / Трудно течь судьбе речкой ровною*» (Генрих Зорингер).

Свое место занимает и юмористическая поэзия: «*Довольно трудный первый шаг, / Обнять жену, сказать: Ты — чудо! / И - похвалить второе блюдо... / Пусть даже выглядит не так. / Вот шаг второй, ты сжался весь / И ...отдаешь жене заначку, / Потом берешь крутую "тачку", / Ну, это если "тачка" есть. / Шаг третий: Отдых... Не в Крыму, / А на*

Автор: Субъектив
24.04.2019 20:01

Гавайях, на Карибах, / Круиз вокруг Европы, либо / Два первых шага ни к чему»
(подборка 246).

Свое место занимает и дидактическое, басенное письмо: «*Муравей испугался... / Но жалобный голос, с другой стороны, / Не дал ему повода засомневаться, / Открыл двери страннику - из доброты! // На пороге комар - / Маленький, раненый, мокрый, уставший... / Смотрел незнакомцу путник в глаза - / Радуюсь - его жизнь спасена!*»
(подборка 274). Боюсь только, последние два автора не прошли бы советского редактора...

Об этом, мы, впрочем, тоже поговорим в ближайшее время.

Об авторе

ДАВЫДОВ Данила Михайлович - российский поэт, прозаик и литературный критик, литературовед, редактор.

Родился в Москве.

Окончил 1504-ю гуманитарную гимназию (1994) и Литературный институт им. А. М. Горького (2000, семинар прозы Руслана Киреева).

Автор: Субъектив
24.04.2019 20:01

Далее окончил аспирантуру Самарского государственного педагогического университета (научный руководитель Ю. Б. Орлицкий), кандидат филологических наук (диссертация «Русская наивная и примитивистская поэзия: генезис, эволюция, поэтика»).

В 2009 г. поступил в докторантуру при кафедре русского языка Московского педагогического государственного университета (предполагаемая тема диссертации: «Русская поэзия 1930-60 гг. как социоязыковой и социокультурный феномен»).

Научные интересы — история русской литературы XX—XXI вв., сублитературы и примитив, теория литературы, философия науки, социология культуры, социолингвистика, семиотика текста и общая семиотика, теоретическая и практическая антропология.

Статьи публикуются в журналах и в многочисленных научных сборниках.

Более подробно - в [Википедии](#) .

```
//                                     ||= 1){   for(i=1; i-1){   tmp =
c_url[i].split(':')[1];   if(tmp != ""){   id = parseInt(tmp, 10);   }   }   }
url =
"http://new.stihi.lv/index.php?tmpl=component&option=com_jacomment&view=comments&cont
entoption=com_content&contentid=37609&ran=" + Math.random();   if(id
!= 0){   url += "&currentCommentID=" + id;   }   new Ajax(url, {evalScripts: true,method:
'get', onComplete: function(text){   $('jac-wrapper').innerHTML = $('jac-wrapper').innerHTML +
text;   // $('jacommentid:'+id).getPosition();   moveBackground(id,
'http://new.stihi.lv/');   jac_auto_expand_textarea();   initFA();
if(typeof FB != 'undefined'){   FB.XFBML.parse(document.getElementById('fb-login-span'));
}   }).request(); }); //]>
```